

А Базаров умирает. «Не имея возможности показать нам, как живет и действует Базаров, Тургенев показал нам, как он умирает».⁵² Написавший блестящую статью о романе «Отцы и дети», очень умный молодой человек Д. И. Писарев, в силу самого своего возраста, вслед за столь же молодым и, может быть, еще более умным и талантливым Н. А. Добролюбовым, полагал, что подлинное испытание героя — это социально-политическая борьба, это подвиг на баррикадах, и, опять-таки вслед за Добролюбовым, сетовал, что вот этого-то подвига Тургенев и не показывает. Но борьба, баррикады всегда публичны, а на миру и смерть красна. Тургенев, хоть и согласился с Писаревым относительно «внешних» причин смерти Базарова, знал другое: самые страшные, все человеческое нутро обнажающие испытания, интимные, скрытые от посторонних глаз, не сулящие никаких компенсаций в публичном признании или сочувствии, — это любовь и смерть, причем одно нередко равно другому. Пытаясь избавиться от любовного наваждения, забыться за простым профессиональным делом, Базаров попадает в тиски смерти. У него нет надежды на воскресение, на другую жизнь, у него нет внешней опоры, нет *вечной Сонечки* — но у него есть он сам. Все незаслуженно расточаемые Раскольникову комплименты Базарову — в самый раз. Пронзительная человечность, неподвластная болезни сила ума, колоссальная воля, достоинство, красота и величие духа — все, что есть лучшего в человеке, *в мужчине*, отдано Тургеневым *финальному* Базарову. Его поведение перед лицом смерти действительно подвиг (Писарев). И он действительно *гигант*, в котором, несмотря на весь его нигилизм и скепсис, оживает древний трагический, героический дух. И вызов он бросает дерзостный: «А что касается до времени, — отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня» (8, 226). Это невозможно осуществить, и сам он это почувствует и признает, говоря Аркадию о его будущих детях: «Умницы они будут уже потому, что вовремя они родятся, не то что мы с тобой» (8, 381). Как и всякому человеку, время диктовало ему варианты жизненного выбора и напоминало о пределах существования, но — умирающий, уходящий в вечную темноту (его последние слова «Теперь... темнота...» вызывают в памяти шекспировское «А дальше — тишина») Базаров героически противостоит глухой к его вызову *бессмысленной вечности*, он бесстрашно смотрит ей в лицо и, пока жив, не признает над собой ее власти.

С точки зрения Вяч. Иванова, «трагедия, в последнем смысле, возможна лишь на почве мирозерцания глубоко реалистического, т. е. мистического», «трагическая борьба может быть только между действительными, актуальными реальностями; идеалистической трагедии быть не может».⁵³ Иными словами, трагедия может разыгрываться только в виду Бога. О том, что это не так, свидетельствует, в частности, Базаров, вырастающий в фигуру гигантского масштаба. Именно он, а не Раскольников, — подлинный трагический герой, тот самый, который «обязан один решить исход борьбы», который «должен выдержать испытание лишь благодаря своему нравственному величию; и внешнее избавление, и помощь, которую боги могут ему оказать, *недостаточны* в его положении. Его ситуация может разрешиться только внутренним путем».⁵⁴ Именно Базаров, подчиняясь *необходимости*, предъявил ту степень личностной *свободы*, ту «отвагу и величие мысли»,⁵⁵ которые под силу только подлинно трагическому герою. «Весь мир и один

⁵² Писарев Д. И. Литературная критика. Т. 1. С. 276.

⁵³ Иванов Вяч. Указ. соч. С. 299.

⁵⁴ Шеллинг В. Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 409.

⁵⁵ Там же. С. 398.